

*Ирина Полякова (Глебова)
г. Харьков, Украина*

ПОЛЕ БИТВЫ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Вступление

В Дону осенняя вода,
И лист осенний –
Клочок озябшего куста, –
Несёт течение.
И кони берегом идут,
Копыта в росах,
И ледяную воду пьют,
И смотрят косо,
Губами трогают цветы,
Ложатся в травы...
Бурлив и лёгок бег воды
У переправы.
А утро, как холодный плащ,
Сырой до дрожи.
А тихий храп, как тихий плач,
Меня тревожит.
Ложится на реку туман,
На берег дальний...
Мне день сентябрьский этот дан
И крик прощальный
Из-за тяжёлых облаков
Извечным стоном,
И две реки вдоль островков –
Непрядва с Доном.
Вот почему испуга крик
Мне губ не тронет,
Когда заржут в единый миг
В тумане кони,
И силуэты поплывут
Над водной гладью,
И выйдет на берег табун
Железной ратью.

I

Может быть, каждый год –
Шесть веков, шесть столетий подряд
Повторяется то,
Сбережённое памятью утро.
Так же бледен восход,
Так же тучи свинцово стоят,
И в тумане, далёко,
Шеломы чернеют как будто.
Я-то знаю, что это видны купола
Той отстроенной церкви,
На взгорье стоящей...
Только кони в тумане плывут
И врастают в их крупы тела
Рослых всадников в шлемах блестящих.
И пока ещё бледен рассвет,
И белесо-густа пелена,
И пока на далёком, на Красном холме
Враг спокоен,
Куликово поле, безвестное в те времена,
Обрастает мечами и копьями –
Каждый здесь воин.

Здесь не станут костры разжигать,
Чтоб не выдать себя,
Да и незачем: близок час смертного боя.
...Перевиты верёвками руки малых ребят,
Угоняемых в степь за пылящей арбою.
Их отцы, стекленя глазами,
Глядят им вослед,
И пойдёт вороньё облетать пепелище.
Появляясь в дыму,
Исчезая во мгле,
Низкорослые всадники
Волками рыщут.
Лица их – словно отсветы
Смрадных костров,
Голоса – как удары свистящих нагаек...
Как же страшен был враг,
Если столько веков
«Злым татаринном» неслухов юных пугают!

Страх над Русью витал,
 Но кровавый посев
 Прорастал по могилам
 Полынью горчайшей.
 Время грянуло – страх обратился во гнев,
 В закипающий стон
 Колоколен гудящих.

Близок час и желанен сражений святых,
 И я вижу, как Дмитрий поводи́дя тревожит...
 И сегодня хватает таких молодых и «крутых»...
 Нет, у Дмитрия брови покруче да губы потвёрже.
 Да и что говорить: нам хватает забот,
 Но они дают плечи, а сердце не сушат.
 Он же – князь в девять лет, –
 Знает, что его ждёт:
 Он пред ханом преклонит колени,
 Не выдаст лишь душу.
 И потом, меч сжимая
 Ещё неокрепшей рукой,
 Он пойдёт на упрямых князей
 В лихорадочной спешке.
 Суздаль, Новгород, Тверь...
 Он забудет покой,
 Помня только надменного хана усмешку!
 Покорить... Помириться... Присоединить...
 Вновь и вновь повторится история эта.
 Быть России единой,
 Могучею быть!
 Но успеть бы, побольше успеть
 До того рокового рассвета...

Он успеет. В тумане пока не видны,
 Но в решающий час
 Затрепещут знамёна:
 Сколько верных князей
 Из огромной страны
 Вместе с ним победят
 Иль полягут со стоном.
 Сам он снимет доспехи,
 В кольчуге простой

К ополченцам в ряды
Станет – равный среди равных.
Примет первый удар,
И живою водой
На воскресшую землю
Кровь прольётся из раны.

II

Солнце в тучах блеснёт,
Поредет туман.
И всё ближе час смертного боя
С ордою кровавой.
Молчалив и задумчив
Русских воинов стан.
Как земля холодна,
И как ласковы травы!

От тёмных кряжистых лесов,
От рек студёных,
От журавлиных голосов
Из высей сонных
Ложились чёткие мазки
На эти лица:
Глаза их были глубоки,
Густы ресницы.
На скулах жёстких пролегли
Резьбой калёной
Боль и печали их земли –
Родной, пленённой.
Потом, когда в полдневный час
Пред этой ратью
Коня осадит Дмитрий-князь,
Воскликнет: «Братья!
Добудем славы, кровь прольём
За землю нашу!»
Как полыхнут глаза огнём:
«Готовы, княже!»

Огонь... Под солнцем и луной
Земля не вянет,
Далёкий свет звезды живой

Нам душу ранит.
 Костёр, разложенный в ночи,
 Нам даст согреться...
 Но как неистово стучит
 Нам пламень в сердце,
 Когда накатывает вновь
 Пора глухая.
 Тогда огонь вольётся в кровь,
 В глаза, в дыхание.
 Когда, от лютых злыдней лют,
 Пылая мезтью,
 Срывался безоружный люд
 Крушить поместья,
 Когда октябрьские дожди
 Сменили лето,
 И в первый бой бойцы пошли
 За власть Советов, –
 Огонь сердца людские жёг,
 Святой и страшный.
 В дни испытаний и тревог
 Он – совесть наша.

У домов окраинных
 Лёг окопный шов.
 А в деревню утром
 Офицер пришёл,
 С ним солдат, и оба
 Строго хмурят лбы.
 Жители собрались
 У большой избы.
 По шинели накрест
 Пыльные ремни...
 Офицер откашлялся,
 Словно вдруг охрип.
 «Женщины, – сказал он,
 – Что долго говорить:
 Нынче вам отсюда
 Нужно уходить.
 Будет бой серьёзный,
 Нам держать его».
 Не прибавил парень

Больше ничего.
Не сказал, что знает,
Как близка их смерть,
Не сказал, что танки
Будут здесь гореть,
Будут гимнастёрки
Кровью тяжелеть,
Чтобы вражью силу
Не минула смерть.
Что судьба остаться
Здесь им навсегда –
Братская могила,
Красная звезда.
Лишь у губ печальная
Пробежала нить...
Женщины молчали,
Что им говорить!
Над толпою словно
Дунул ветерок
И поплыл безмолвный
Долгий вопль: «Сынок!..»
И ушли, сурово
Унося в сердцах
Тот огонь, который
Выжигает страх.

И мы, потомки тех людей
Непостижимых,
Родились в отблесках огней
Их вечной жизни.
Светло нам в мире и тепло,
Огонь горит ведь!..
Как ярко солнце, что возшло
Над Полем Битвы!
То счастье нам судьба даёт
Понять однажды:
Как крепко память в нас живёт –
В кровинке каждой!

Не просто на земле живём,
И не простое это дело,

Какие песни изберём,
Какие изберём пределы
Своим желаньям и делам,
Кого друзьями звать мы станем,
Какие сны приснятся нам,
Когда на краткий миг устанем.
Наступит день в который раз,
И будет в нём всё так обычно.
Но станет кто-либо из нас
Тревожно слушать звук привычный
Своих шагов и слов своих,
В потоке шумном незаметных,
И думать: каждый шаг – отметка
На судьбах будущих живых?..

III

Вот свежим ветром увело
Туманный свиток.
Как ярко солнце, что взошло
Над Полем Битвы!
Лугов открылась глубина,
Лес синеватый.
Затрепетали знамена,
Сверкнули латы.
Меж вражьим станом и страной,
Застывшей немо,
Поднялся русский люд стеной
Сердец и племов.
Стояли строгие ряды,
Дыша могуче.
Навстречу тяжкий дух орды
Шёл чёрной тучей.
Что видит юный, но такой
Суровый латник
За пылью, конскою слюной
И воплем-лаем?
И почему в его глазах
Костры пылают,
До боли белая рука
Так меч сжимает?

...Город ждал нападения волчьей орды –
Как жестоки набеги татар, кто не знает!
И всю ночь под луной золотели кресты,
И гудели набаты, всю ночь не смолкая.
Утром все горожане – до малых ребят,
Поспешили на стены. Сквозь раннюю стужу
Увидали, как дальние сёла горят,
И пылающий круг тот сжимается туже.
А потом, словно призраки, –
Верь иль не верь, –
Полуголые женщины, дети босые
Шли, и плача ташили охапки ветвей,
И тяжёлые плети кожу с плеч им сносили.
Полыхнула Рязань, но с пылающих стен
На метущихся всадников сыпались стрелы,
И рубились с плеча – смерть отрадней, чем плен!
И земля раскалённая кровью кипела.
Пять продымленных, горьких, неистовых дней
В середине костра, среди зимы угорая,
Бились люди. Здесь не было больше детей,
Каждый воином был, сыном этого края...

А визжащая туча ордынцев близка,
И грохочут копытами злые их кони.
Жёлтозубый оскал на лице степняка
Вдруг увидит за миг до удара Софоний.
Он не вспомнит, как среди головешек лежал,
Кровь текла, а рубаха дымилась и тлела;
И над ним промелькнул тот же волчий оскал,
И тяжёлая плеть на скаку просвистела.
Как его, малыша, тёмной ночью унёс
Из сгоревшей Рязани старик незнакомый,
Чтобы выжил он, чтобы мужал он и рос,
Чтобы стал он на поле на Куликовом!
В миг, когда его очи чёрной кровью зажглись,
Меч стал лёгок, а сердце забилося люто,
Вспомнил он, как пылали деревни, и шли
По морозу босые и голые люди.

Сколько раз ещё будут
Деревни гореть,

Сколько раз ещё будет
Безлюдеть Россия.
Будет ветер в полях одичалых гудеть,
Догнивать под дождями
Избы пустые.
И средь этих несчётных
Нашествий и войн
Всем, пришедшим на землю чужую,
Хотелось
Истерзать, истоптать
Всею силою злой
Непокорной России
И душу и тело!

Говорил один мой
Человек знакомый,
Прихлёбывая кофе,
Причмокивая сладко:
«По каким критериям,
По каким законам
Мы судить берёмся немецкие порядки?
Говорим: фашисты – это звери,
Они насильовали, убивали... Слушай!
А я от очевидцев знаю достоверно:
Были эти люди
Строги, но добродушны.
Три дня на разграбленье
Город отдавался –
Но это же издревний
Закон оккупаций!
Держались офицеры
По-рыцарски галантно,
Солдаты шоколадки
Давали всем бесплатно.
Да, нашей пропагандой
Факты искажались!
Порядок есть порядок –
Они его держались...»

Даже если не трогать
Двадцать миллионов загубленных,

Из которых – не один миллион
Беззащитных людей оккупации,
Даже если забыть на минуту
Крематориев дымные трубы,
И облавы, и пытки
С гестаповской грацией,
Помнить только порядок –
Их порядок, захватчиков:
Всё равно чем – нагайкой ль ордынской
Так, чтоб хрустнул хребет – на колени!
Или фашистским прикладом захватанным,
Чтобы выплюнуть зубы и кровь – на колени!
Чтобы знал своё место
Раб у стремени грозного барса!
Чтобы был бессловесным
Славянин – человек низшей расы!

Но звали грозные слова
На смертный бой
Со вражьей силою, с кровавою
Ордой.
И нашим стареньким отцам
До смертных дней
Ладонью сдерживать сердца,
Бледнеть,
Когда подступит болью вновь
К седым вискам:
Руины чёрных городов,
И трупный смрад,
Качающиеся тела
Босых ребят
На главной площади села
Висят...
Нам не дано беспечно жить,
Нам дан завет:
«Храните ненависть
И боли свет».

Любовь, она
Как жизнь и свет.
А ненависть – не просто, нет.

Гроза ревет, но был же зной,
Был день с дыханием горячим.
Есть ненависть, а это значит
Есть корни у неё – любовь.
Горят и корчатся в кострах
И остаются пеплом книги,
Из сотен глоток рвутся крики,
Где слово «смерть» во всех словах.
Какие чувства сердце жгут,
Когда весенним днём парадным
Идут далёких лет солдаты
И внуков за руки ведут!
Бездумно и спокойно жить
В такой тревожный час – не выйдет!
А коль умеешь ненавидеть,
То сможешь преданно любить.

Эпилог

Любовь... Какими словами
Мне рассказать о ней?
Небо за облаками
Скоро станет светлей.
Солнце взойдёт, но медленно
Будет таять луна,
Будет сыро и ветрено,
Вновь я буду одна.
Тихо и монотонно
Будет река журчать,
А впереди раздольное
Поле будет лежать.
В жёлтых цветах прощальных
Новый займётся день,
Нежностью и печалью
В сердце вольётся мне.
Нежностью той повиты
Подвиги давних лет.
Отблеск далёкой битвы
В новый вольётся рассвет.

Спит память предков. Пробуждаться
В неведомый дано ей час...

Глаза Софония Рязанца
Глядят сквозь кровь, тревожа нас.
И голос, болью утомлённый,
Вещает непростую быль,
Как небо изнывало стоном,
В дожде багряном мок ковыль.
Три страшных дня, три страшных ночи
Бурливым Доном кровь текла,
Как воины живые молча
Свозили мёртвые тела.
По городам Руси и весям
Как молния летел гонец:
«Разбит Мамай!» – взвивалось песней,
Рвалось криком из сердец.
Колоколов церковных звонче
Победу славил молва...
А воины живые молча
Свозили мёртвые тела.

Страна моя, в истории твоей
Из века в век не перечеть полей,
В которых не дожди питали влагой
Упругие и жаркие хлеба,
А тех полей, где славой и отвагой
Сынов твоих взошла жизнь и ушла.
Травкою поросли полей изломы,
Но словно долг, земля воротит вдруг
Груз этот тяжкий: каски и шеломы,
Гранаты и обрывки от кольчуг.
На Поле Битвы,
Кровью напоённом,
Там, где железо царствовало всласть,
Нам ветер воли развернул знамена –
Любовь святая наша родилась!